

К исследованию этимологического гнезда *šut–

Турилова Мария Валерьевна

аспирант

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

email: mariaturilova@mail.ru

1. Иногда корень слова очевиден, и не менее ясной кажется модель его семантического развития. Однако при более внимательном рассмотрении – к примеру, при анализе позиции слова в рамках этимологического гнезда (ЭГ) – могут открыться любопытные факты.

Так, можно предположить, что значение уральск. *ошутеть* ‘сойти с ума’ [СРГСУ Доп.: 390] с корнем *шут–* развивается по модели ‘кривляться, паясничать’ → ‘потерять рассудок, сойти с ума’. Однако это опровергается тем, что глаголы такого типа являются отадъективными: *ошутеть* – *‘сделаться шутым’ (ср. *оглупеть* ← *глупый*).

Лексемой *ошутеть* в значении ‘потерять рассудок’ никто не занимался. Однокоренное с ним др.–русск. *ошутити* ‘высмеять, представить кого–либо шутком’ Трубачев рассматривает на фоне болг. *ошутя* ‘обрезать коротко’, диал. *ошута* ‘обломать рога; укоротить’, макед. *ошутити* ‘лишить(ся) рогов’ и предполагает развитие «фигурального русского значения ‘одурачить’» на базе ‘сбить рога’ [ЭССЯ XXX: 141].

Однако южнославянские глаголы производны от прилагательных с значением ‘комолый, безрогий’ (*шутый* зап., южн. русск. ‘комолый, безрогий’, укр. *шутий* ‘то же’, болг. *шут* ‘комолый’), в то время как др.–русск. *ошутити* образовано от *шутити*. Поэтому для отадъективного *ошутети* представляется возможным иная реконструкция семантического развития.

Некоторые лексемы этого ЭГ исключают первичность значения ‘комолый, безрогий’, например, болг. *шутка* ‘vulva’, и позволяют считать исходной семантику пустоты. Для прилагательного значение ‘сумасшедший’ не зафиксировано. Это позволяет реконструировать для глагола производящее значение *‘опустеть’.

К этому же гнезду Якобсон относит перм., вятск. *шутём* ‘поле под паром’ [Фасмер IV: 492], ср. также *земля шуть'мом лежит* ‘впусте, залогом, или под покосом’ [Даль IV: 649]. Иначе говоря, *шутём* – ‘пустошь’. Исходное значение корня *šut– – ‘пустой’ – позволяет отнести лексему к этому ЭГ.

Здесь, впрочем, возможна и дальнейшая реконструкция: вероятно, *шутём* – это результат свертывания и дальнейшего переосмысления выражения **поле лежит шутём* ‘пустошью’, где *шутём* – твор. п. от **шуть* ‘пустошь’.

Интересна и еще одна группа слов, которые не все исследователи относят к ЭГ *šut–. Это продолжения праславянских **ašutъ*, **ašutъnъjъ*: ст.–слав. *ашоуть* ‘μάτην’, frustra ‘без причины, напрасно, излишне’, ст.–чеш. *ješut* ‘тщетность, ничтожность’; др.–чеш. *jěšutny* ‘суетный’, чеш. *jěšitny* ‘тщеславный; пустой, тщетный’, слов. диал. *jěšutny* ‘то же’. Реконструированное значение корня *šut– ‘пустой’ позволяет предположить, что именно на этой базе наречие развивает значение ‘напрасно’. Таким образом, вопреки сомнениям Фасмера [Фасмер IV: 491], отнесение **ašutъ* и **ašutъnъjъ* к данному гнезду становится вполне обоснованным.

Эквивалентом ст.–слав. *ашоуть* ‘напрасно’ в восточнославянских текстах выступает *безоума* [ЭССЯ I: 89–90] (модель ‘безумный’ → ‘напрасный’). Каждое из значений (1) ‘пустой’, (2) ‘суетный, тщетный, напрасный’ и (3) ‘безумный’ может развиваться на базе двух других: *впустую* ‘напрасно’ (1 → 2), *ошутеть* ‘потерять рассудок’ (1 → 3), др.–русск. цслав. *осуетитися* ‘стать суетным, обезуметь’ [ДСрезн.: 207] (2 → 3), др.–русск. цслав. *о безумьнемь, о безумьи* ‘всуге, напрасно’, [СДЯ I: 146] (3 → 2).

2. Нет достаточных оснований предполагать, что семантика потери рассудка появляется в рамках ЭГ *šut– на праславянском уровне или на этапе древнерусского языка. Однако в последний период исследуемое гнездо слов оказывается смежным с тем (**um–* / **bez–um–*), в котором эти значения есть. В пределах гнезд возникают синонимы, и их дальнейшее развитие взаимосвязано.

Во взаимодействии гнезд есть такая закономерность: при появлении синонимичных областей доминантное гнездо (по количеству лексем, их частотности, актуальности семантики и пр.) начинает определять развитие второго, которое перенимает мотивационные и словообразовательные модели, в некоторой степени наследует потенциальные производящие семантические поля первого и т.д.

3. Одно и то же слово может подвергаться преобразованиям в одних говорах и быть причиной изменений, словом-доминантой, в других. В качестве примера – реконструкция связей в одной группе слов.

Об истории слова *палаумный/полоумный* и его дериватов писали неоднократно. Их либо считают результатом заимствования и – далее – народноэтимологических преобразований ср.-греч. *παλαβώμενος* ‘сумасшедший, дурашливый’ (Корш), либо исконнославянской по происхождению двукорневой лексемой, первая часть которой объясняется по-разному (гипотезы и их аргументация – в [Виноградов: 956–958]).

Слово относится к экспрессивной лексике, которая, как правило, обладает яркой внутренней формой. Стремлением «оживить» ее объясняются процессы ремотивации, в результате которых слово начинает связываться с другими ЭГ. Например, слово может оказываться в сфере влияния гнезда **лом-*: ср. новг. *поломан* ‘глуповатый человек’ ← **поломьнь* ← *полоумьнь* при *поломаться* ‘сойти с ума’ [СРНГ XXIX: 110], верхотур. *поломошной* ‘сумасшедший’ [Даль III: 253] ← **полоумочный* см. [Турилова 2005].

В окающих ярославских говорах есть слово *пала'моха* ‘дура’ [СЯросл. 7: 78]. Поскольку корень слова неясен, предполагаем преобразование, а именно: *пала'моха* ← **пала'мошной* ← **пала'умочный* ← *пала'умный*. Начало основы сохраняется здесь в виде *пала-* (будь то исходный фонетический облик заимствования в деривате или же корень *пал-* (*палый*)) и даже, возможно, начинает влиять на слова других гнезд: ср. в том же говоре яросл. *пала'мутный* ‘беспокойный, баламутный’ [СЯросл. 7: 78] ← *бала'мутный*.

Таким образом, анализ взаимодействия этимологических гнезд и исследование слов в пределах ЭГ расширяет возможности этимологизации «темных» лексем.

Литература.

- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1998.
- Срезневский И.И.* Дополнения к материалам для словаря древнерусского языка. М., 1958.
- Словарь древнерусского языка XI – XIV вв. / Гл. ред. Р.И. Аванесов и др. М., 1988.
- Словарь русских говоров Среднего Урала / Под ред. А.К. Матвеева. В 7 т. Свердловск, 1964–1988.
- Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина. Л., 1966.
- Ярославский областной словарь. Под ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль, 1968.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М., 2003.
- Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974.
- Виноградов В.В.* История слов. М., 1994.
- Турилова М.В.* Этимологический анализ группы диалектных лексем с семантикой негативно оцениваемых состояний и качеств человека // *Материалы и исследования по русской диалектологии. III (IX)* (в печати).